

Лия
Малинина

ОПЕРАЦИЯ

«Свадьба» ИЛИ
ФАЛЬШИВЫЙ ЖЕНИХ ДЛЯ УЧИЛКИ

Лия Малинина

**Операция "Свадьба" или
Фальшивый жених для училки**

«Автор»

2026

Малинина Л.

Операция "Свадьба" или Фальшивый жених для училки /
Л. Малинина — «Автор», 2026

— Ньюшенька, — сказала бабуля ласково, — тебе пора замуж. А Федя — хороший мальчик. Мы с Маргаритой решили, что вы отличная пара. К осени сыграем свадьбу. — Ты ты меня обманула? Ты не больна? Ты все это подстроила? — мой голос дрожал от негодования. — Ньюша, не драматизируй, — бабушка нарезала хлеб. — Нарезку лучше поставь на стол, она в холодильнике. Я не успела ответить. Дверь распахнулась, и в кухню ворвался голос, громкий, как пожарная сирена: — Софья Ильинична, а вот и мы! Принимайте гостей! В дверях стояла маленькая кругленькая старушка с ярко-рыжими волосами и радостно улыбалась. Это, очевидно, и была Маргарита Тихоновна. А за ее спиной возвышался какой-то бугай

© Малинина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2	9
Знакомимся с героями	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лия Малинина

Операция "Свадьба" или Фальшивый жених для училки

Глава

Глава 1

Нюша

Вот и закончился еще один учебный год. Мои восьмиклассники выросли, возмужали и, мне хотелось думать, что поумнели.

Я стояла у доски, сжимая в руке указку, и смотрела на свой восьмой «Б». Они сидели за партами непривычно тихие — без телефонов, без шепотков, без записок.

Даже вечный двоечник Смирнов, который всю четверть пытался сдать мне устное сочинение в формате «а давайте я расскажу, как проходить уровни в компьютерной игре», сегодня выглядел почти приличным.

— Ну что, — сказала я, и голос чуть дрогнул. Я прокашлялась. — Последний урок в этом учебном году. Я хочу пожелать вам...

— Анна Владимировна, только без слез, — перебила меня Катя Зуева с первой парты. — А то вы разреветесь, и мы вместе с вами, а нам еще фоточки красивые нужно сделать.

Я усмехнулась, Катя всегда, словно читала мои мысли.

— Хорошо. Без слез. Я просто хочу сказать, что вы были... невыносимыми. Иногда. Особенно в феврале, помните? Когда все заболели, и мы учили причастия по Zoom, а у Смирнова в комнате мама пылесосила и никто не мог понять, где подлежащее, а где определение.

Класс засмеялся, а Смирнов виновато потупился.

— Но, — продолжила я, — вы были лучшими. Потому что вы — мои. И я буду скучать все лето. Правда.

Я не заплакала. Сдерживалась из последних сил, но не заплакала.

После урока мы фотографировались в холле, и девочки подарили мне букет пионов, а мальчики пожали руки и все с радостными визгами выбежали из школы. Я вышла на улицу, села на скамейку у крыльца и выдохнула.

Лето.

Три месяца без диктантов, без сочинений, без проверок в полночь и без вопроса «А что будет, если не сдать ОГЭ?». Три месяца — мои. Я планировала читать, гулять, выспаться наконец и, может быть, даже...

Телефон зазвонил.

Я глянула на экран. «Бабушка Вера».

Улыбнулась. Еще не хватало, чтобы кто-то испортил этот момент. Я представила, как бабушка сейчас скажет: «Нюшенька, приезжай, клубника в парнике уже поспела», и я откажусь, потому что хочу неделю проваляться на диване.

— Алло, бабуль, привет!

— Нюшенька, — голос бабушки был слабым. Очень слабым, таким, от которого у меня внутри всё оборвалось. — Внученька, милая...

— Бабуль, что случилось? — я вскочила со скамейки. Пионы упали на землю.

— Я умираю, детка, — бабушка говорила с паузами, будто каждый звук давался ей с трудом. — Сердце... Совсем плохо. Приезжай, проститься.

— Бабуль, я сейчас, я быстро, — слова путались, я уже бежала к входу в школу. — Я возьму отпуск, завтра же приеду!

— Сегодня, — прошептала бабушка. — Приезжай сегодня, Ньюшенька.

И положила трубку.

Ураганом влетела к директору, уговорила отпустить меня раньше графика и написала заявление на отпуск.

Я не верила тому, что услышала. Моя бабуля, задорная и полная сил, просто не могла собраться умирать! Ей лет то всего ничего, семьдесят пять. Жить и жить!

Я гнала от себя дурные мысли, когда влетела в квартиру и начала кидать в сумку все подряд: джинсы, футболки, зарядку, книгу, аптечку, валидол (для бабушки), корвалол (для себя). Я не верила в болезнь бабушки, когда ехала в электричке и смотрела на проплывающие за окном поля и леса и считала минуты.

Всю дорогу провела, как на иголках, позвонила маме, но она как-то странно реагировала на мой сбивчивый рассказ о том, что бабуля “при смерти”.

— Все правильно дочь, — спокойно ответила мне мама, — поезжай, навести, заскучала, небось, наша София Ильинична.

— Да как ты можешь так спокойно говорить? — пыхтела я в трубку. — Ее же в больницу нужно, врачей, обследования...

— Вот приедешь, сама посмотришь, что случилось, а там решим, что делать, — совсем не меняя интонации проговорила мама, — все, дорогая, я убегаю, у меня пилатес, — пропела она в трубку, — бабуле привет, — и отключилась.

Я вышла вышла из автобуса и увидела бабушкин дом, такой же, как всегда: голубые ставни, резные наличники, палисадник с цветами, которые только набирали цвет. И ничего в нем не было умирающего.

Толкнула калитку, побежала по дорожке и распахнула дверь. Бабушка стояла посреди кухни. Живая. Здоровая. Румяная. В новом платье в горошек. И нюхала пироги.

— Ньюшенька! — закричала она и бросилась меня обнимать. — Приехала! А я испекла твои любимые, с вишней!

Я застыла в дверях.

— Бабуль... Ты сказала, что умираешь.

— Ну да, — бабушка отмахнулась, как от назойливой мухи. — Сердце побаливало. А сейчас отпустило. Видишь, как хорошо, — она развела руки и даже покружилась вокруг себя. — Раздевайся, проходи. Мы гостей ждем.

— Каких гостей? — спросила я, еще не придя в себя.

Бабушка уже суетилась у стола: расставляла тарелки, раскладывала приборы, поправляла салфетки. Она выглядела счастливой. Подозрительно счастливой.

— Моя подруга Маргарита Тихоновна придет. Со своим внуком, Федором. Хороший парень, спортсмен. Вы друг другу понравитесь.

У меня внутри что-то екнуло.

— Понравимся? Зачем? — я с недоумением посмотрела на эту старую аферистку.

Бабушка подняла на меня глаза. Хитрые, прищуренные. Такие я знала с детства — именно с ними она говорила: «Нюша, я дам тебе образцы всех сочинений на следующий год, если ты будешь все лето мне помогать в огороде».

— Ньюшенька, — сказала она ласково, — тебе пора замуж. А Федя — хороший мальчик. Мы с Маргаритой решили, что вы отличная пара. К осени сыграем свадьбу.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Ты... ты меня обманула? Ты не больна? Ты все это подстроила? — мой голос дрожал от негодования.

— Ньюша, не драматизируй, — бабушка нарезала хлеб. — Нарезку лучше поставь на стол, она в холодильнике.

Я не успела ответить.

Дверь распахнулась, и в кухню ворвался голос, громкий, как пожарная сирена:

— Софья Ильинична, а вот и мы! Принимайте гостей!

В дверях стояла маленькая кругленькая старушка с ярко-рыжими волосами (наверное, крашеными, потому что такой рыжины не бывает в природе) и радостно улыбалась. Это, очевидно, и была Маргарита Тихоновна.

А за ее спиной стоял какой-то бугай ...

Я подняла голову. Выше. Еще выше.

И уперлась взглядом в подбородок. Потом в губы. Потом в глаза — серые, внимательные, очень недовольные. Он был огромным.

Не просто высоким. Огромным. Широкоплечим, с руками, которые явно привыкли не к указке и доске, а к шайбе и клюшке. Он занимал собой весь дверной проем и когда шагнул вперед, мне показалось, что в доме стало тесно.

— А это Феденька, — пропела Маргарита Тихоновна. — Мой внучек.

Феденька смотрел на меня без всякого восторга. Я смотрела на него — тоже.

— А это Ньюша, — сказала моя бабушка голосом, каким обычно объявляют победителя лотереи. — Моя внученька. Учительница, между прочим. Русский язык и литература. Очень начитанная.

Федор хмыкнул. Я скрестила руки на груди.

— Очень приятно, — выдавила я.

— Взаимно, — так же “радостно” ответил он.

Никто не поверил ни одному слову.

Бабушки переглянулись. Я заметила этот взгляд — быстрый, заговорщицкий, многозначительный.

— Какая красивая пара, — сказала Маргарита Тихоновна.

— Правда? — бабушка приложила руку к сердцу. — Я вот тоже сразу об этом подумала. Как на картинке.

— А давайте за свадебку? К осени? — хлопнула в ладоши и довольно потерла руки Маргарита.

— К осени? Думаешь, не рано? — задумалась моя ба.

— Самое то. Пока молодые притрутся, пока привыкнут, — Марго махнула рукой, плюхнулась за стол и впилась зубами в пирожок.

Я стояла и слушала это, как если бы получила двойку на экзамене — с осознанием, что это происходит не со мной, но доказать обратного не могу.

— Подождите, — сказала я севшим враз голосом. — Мы не...

— Не? — бабушка подняла бровь.

— Не знакомы. И Вообще. Я не хочу замуж! Я вижу этого человека первый раз в жизни.

— Ничего, — отрезала Маргарита Тихоновна. — Познакомитесь. У вас целое лето впереди.

Федор, который все это время стоял как памятник самому себе, вдруг сделал шаг назад. Осторожно так, будто собирался сбежать.

— Мебель, значит, нужно помочь передвинуть, — он исподлобья смотрел на свою бабушку, которая, как ни в чем не бывало, жевала пирожок, — я, пожалуй, пойду, — начал он.

Сделал еще один шаг назад и наступил коту на хвост.

Кот — бабушкин Барсик, три килограмма наглости и перхоти — заорал так, будто его резали. Федор дернулся, задел локтем стопку тарелок на краю стола, и одна из них, та самая, с голубой каемочкой, которую бабушка берегла для особых случаев, полетела на пол.

Я не знаю, что случилось раньше: тарелка, которую уронил он, разбилась или я выпустила свою, которую держала в руках.

Наверное, одновременно.

Потому что пол под нами покрылся белыми черепками, кот забился под диван, а бабушки синхронно всплеснули руками.

— Ой, — сказала Маргарита Тихоновна и потерла подбородок.

— Хорошая пара, — повторила моя бабушка, глядя на осколки. — Очень хорошая пара.

Глава 2

Нюша

Осколки мы, с моим “незадачливым женихом”, убирали в полном молчании.

Федор пылесосил, вернее, пытался, но бабушкин пылесос советских времен мало что в себя всасывал, зато издавал такие звуки, будто собирался взлететь или взорваться. Я собирала крупные осколки и складывала их в ведро. Барсик не вылезал из-под дивана и периодически оттуда шипел, адресно, в сторону Федора.

— Невзлюбил он тебя, — сказала я, не удержавшись.

— Я тоже не в восторге, поверь, — буркнул Федор и выключил пылесос. — Твоя бабушка говорит, что это была ее любимая тарелка.

— Сервиз «Гжель». Сорок лет хранила, — с сожалением отметила я.

— Переживет, — равнодушно пожав плечами, ответил он.

— Вообще-то, она планировала подарить его мне на свадьбу, — фыркнула я, сдувая упавший на глаза локон.

Федор поднял на меня глаза. Серые, усталые, с каким-то странным выражением, в которых отражалось то ли сочувствие, то ли паника.

— Надеюсь, не на нашу, — как-то нервно сказал он.

— Не волнуйся, — я равнодушно пожала плечами, собрала осколки веником на совок и с грохотом высыпала в мусорное ведро, — ни на какую не будет.

Бабушки в это время сидели за столом и пили чай. Спокойно так, будто ничего не случилось. Чинно и благородно. Будто две минуты назад драгоценный сервиз не украсил наш пол бело-синими лепестками.

— А вы молодцы, ребята, — удовлетворенно проговорила Маргарита Тихоновна, откусывая пирожок. — Работаете слаженно, как настоящая семейная пара.

Федор резко выпрямился и с укоризной посмотрел на свою бабушку. Я заметила, как у него сжалась челюсть. Мужчины это умеют — сжимать челюсть так, что становится ясно: внутри закипает вулкан, который вот-вот рванет.

— Бабуля, — сказал он тихо. — Мы можем поговорить?

— Конечно, милый, — Маргарита Тихоновна похлопала по свободному стулу рядом с собой. — Садись, чай пей.

— Не здесь, — буркнул он и кивнул головой в сторону выхода.

Маргарита понятиливо вздохнула, кивнула моей бабуле, поднялась и вышла за ним.

Я осталась на кухне с моей Софьей Ильиничной, которая смотрела на меня с таким выражением, будто я была не внучкой, а долгожданным призом в лотерее.

— Бабуля, — начала я. — Ты серьезно?

— В смысле, серьезно? — она налила мне чаю. — Пей, дорогая, бледная ты что-то.

— Я не бледная. Я в шоке, — я села напротив. — Ты обманула меня. Сказала, что умираешь, я примчалась через всю область, а ты...

— А я жива и здорова. И тебя люблю, — бабушка протянула мне пирожок. — Ешь. Худая вон, как щепка.

— Бабуля, я не буду есть пирожки, когда меня хотят выдать замуж за незнакомого бугая!

— Он не бугай. Он спортсмен. Директор школы, между прочим. И хороший мальчик, я его знаю с пеленок.

— Я его не знаю! — мой голос сорвался на фальцет. — Я вообще не хочу замуж! И тем более не хочу, чтобы мне бабушка выбирала жениха, как в восемнадцатом веке!

Бабушка вздохнула. Долго. Протяжно. Мне даже показалось, с каким-то недовольством мною.

— Ньюша, — сказала она негромко. — Тебе двадцать три года.

— Я в курсе, спасибо, — огрызнулась я и отхлебнула чай из чашки.

— Ты ни разу не приводила в дом ни одного молодого человека, — бабуля смерила меня строгим взглядом.

— Потому что у меня не было ни одного! — вздохнула я и опустила глаза.

— А почему не было? — бабушка посмотрела на меня поверх очков. — Ты красивая, умная, с работой. Не пьешь. не куришь. В голове все ровно.

— Спасибо за комплимент, — я покачала головой. Вот не была я готова изливать душу перед бабулей.

— Я к тому, что ты слишком много работаешь. Школа, вечная проверка тетрадей, бесконечные планы, собрания, экзамены. Когда тебе жить, Ньюша? Когда мужа искать?

— Я не ишу мужа, — я уставилась в чашку. — Я не хочу мужа.

— А детей? — подняла бровь Софья Ильинична.

— Детей тоже не хочу, — я была не в настроении и всячески это показывала.

Бабушка промолчала. Но этот молчаливый взгляд — он говорил громче любых слов. Я знала этот взгляд с детства: он означал «ты еще маленькая, ничего не понимаешь, но я тебя прощаю».

— Ладно, — сказала я, чтобы прекратить это. — Давай не сейчас. Я устала с дороги, хочу в душ и спать.

— Душ сломался, — бабушка отхлебнула чай. — Баню топи. Федя поможет.

— Не надо мне помогать, — я встала. — Я сама. Я учитель русского языка, а не инвалид! Я сама справлюсь с баней.

— Справлялась бы с мужиком, — пожала плечами бабуля и начала убирать со стола.

Я схватила сумку и вышла из кухни, громко хлопнув дверью.

В сенях никого не было. Федор и Маргарита Тихоновна, видимо, закончили свой разговор и ушли к себе.

Я выглянула в окно. Небо заволокло тучами и начался ливень. Ну какая баня в такой дождь? Нос из дому высовывать не хочется. Тяжело вздохнула, прижалась лбом к холодной стене и закрыла глаза. Погода на улице абсолютно точно соответствовала моему внутреннему состоянию.

Пару дней. Я пробуду здесь всего пару дней, а потом придумаю что-нибудь: срочный вызов в школу, конференция, олимпиада, апокалипсис — что угодно, лишь бы уехать. Лишь бы скорее вернуться в свою спокойную размеренную жизнь.

Я вернулась в дом, зашла в свою комнату, упала на кровать, не раздеваясь, и заснула под стук дождя за окном.

Знакомимся с героями

Анна, она же Ньюша (для самых близких), 23 года

Учитель русского языка и литературы Нежная тургеневская барышня, которая пока не встретила своего "мистера Дарси"

Федор, 29 лет

*В прошлом профессиональный хоккеист,
а сейчас директор детской спортивной школы. Свободолюбив и холост*

Ну и главные зачинщицы операции "Свадьба":
Софья Ильинична, бабуля Ньюши, 70 лет
Маргарита Тихоновна, бабушка Федора, 72 года

Глава 3

Нюша

Утро началось с ударов. Методичных. Тяжелых. Слишком громких для деревенской тишины, которую я так любила.

Удар. Пауза. Удар.

Я лежала с открытыми глазами и пыталась понять, что происходит. Может, дятел? Но дятлы так не стучат. Может, сосед дрова колет? Но дрова колют с другим ритмом — там треск, там эхо, а тут что-то глухое, упругое, похожее на...

Я села на кровати.

Второй день в деревне. Второй день под одной крышей с бабушкой, которая меня обманула, заманила и теперь пытается выдать замуж за человека, который...

Удар. Пауза. Удар.

Я натянула джинсы, футболку, сунула ноги в резиновые галоши и вышла на крыльцо.

Солнце только вставало, трава была еще мокрой от росы, пахло утром, свежестью и немного дымом. Я зажмурилась на секунду и вдохнула полной грудью.

Замерла на секунду и открыла глаза. То, что я увидела, заставило меня замереть.

Во дворе у соседей, а точнее, у Маргариты Тихоновны, бабушки Федора, было что-то похожее на спортивную площадку. Небольшой пятачок, застеленный каким-то белым толстым пластиком.

И на этом пластике стоял Федор. Без футболки. В одних спортивных штанах — темных, низко сидящих, с какими-то полосками по бокам.

Он бил шайбой по воротам. Маленькие черные кругляши летели с такой силой, что ударялись о сетку с глухим звуком. Удар. Шайба влетала в угол. Пауза. Федор подбирал новую. Удар. В другой угол.

Он двигался легко, несмотря на размеры. Я всегда думала, что огромные мужики неповоротливые, медленные, как бегемоты. Но Федор будто танцевал на этом пластике так, будто был на коньках, хотя на ногах у него были обычные кроссовки.

Я перевела взгляд на его широкую спину. Мышцы перекачивались под кожей при каждом ударе.

Руки — жилистые, сильные, с проступающими венами на предплечьях.

Я стояла и смотрела. Завороженно, как смотрят на пожар — страшно, но не оторваться.

Удар. Шайба влетела в левый верхний угол.

Федор выпрямился, откинул голову назад и провел рукой по лицу, смахнул пот. Или усталость. Или и то, и другое.

Солнце ударило ему в спину, осветив каждую мышцу, подчеркнув каждый мускул.

Я слотнула. В этот самый момент он повернул голову и увидел меня.

В резиновых галошах с цветочками, с немытой головой, с растрепанными после сна волосами, которые торчали во все стороны, как солома. И с открытым ртом, потому что я забыла его закрыть.

Федор замер. Я замерла на полувздохе.

Секунду мы смотрели друг на друга, потом его губы дрогнули. Чуть-чуть. В усмешке.

— Хэллоу, — махнул рукой он.

Голос у него был хриплый, то ли после тренировки, то ли специально, чтобы меня добить.

— Доброе утро, — ответила я и поняла, что сейчас должна сказать что-то колкое, ядовитое, умное, потому что я — учитель русского языка, а он — просто хоккеист, который даже не умеет нормально разговаривать.

Но вместо этого я сказала:

— Вы решили всю деревню оповестить, что приехали в гости к бабушке?

Он усмехнулся.

— Просто тренируюсь. Семь утра, мое время, — он оперся на клюшку и усмешкой смотрел на меня.

— Семь утра — это время для нормальных людей спать, — недовольно фыркнула я и сдула со лба непослушный локон.

— Для учителей? — он поднял руку и почесал свой живот. Ну как живот, нечто с полным набором кубиков и ярко выступающих косых мышц.

Медленно так почесал, с явным удовольствием наблюдая, как мой взгляд проследил за его рукой.

— Для всех, — сквозь зубы процедила я, а он наклонился, подобрал шайбу и покрутил ее в руке. Шайба в его ладони выглядела детской игрушкой.

— Ты должна была сказать «для всех, кто не лупит по воротам в семь утра», но постеснялась.

— Я не стесняюсь, — выплюнула я и вздернула подбородок.

— Стесняешься. Я видел твое лицо, ты смутилась, — он явно издевался надо мной.

Я покраснела. Проклятье. Проклятье, проклятье, проклятье. Как девчонка малолетняя, которая впервые увидела парня без футболки.

— Мое лицо выражало крайнюю степень раздражения, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты разбудил меня.

— А ты меня — вчера, когда орала на бабушку про замужество. Я слышал твой ор даже на своем участке.

— Во-первых, подслушивать нехорошо, — я скрестила руки на груди.

— А во-вторых? — он вертел шайбу в руках, перекатывая ее между пальцами, как фокусник.

— Во-вторых, я не орала. Я громко объясняла свою позицию.

Федор хмыкнул. Потом наклонился, подобрал еще одну шайбу, выпрямился и вдруг — я не знаю, зачем он это сделал, — улыбнулся.

Не усмехнулся. Не хмыкнул. А улыбнулся — открыто, почти по-мальчишески, с ямочкой на щеке, которую я не заметила вчера, потому что вчера он сверлил меня взглядом исподлобья.

— А ты забавная, — сказал он. — Когда не злишься.

— Я всегда злюсь, — ответила я. — Это мое нормальное состояние.

— А я думал, нормальное состояние учителя — это вечная собранность.

— Это состояние — в течение учебного года. А летом мы злимся и набираемся сил для следующего учебного года.

Он засмеялся. Смех у него оказался низким, раскатистым, громким.

И я, черт бы меня побрал, снова залюбовалась. На этот раз — его лицом. Красивый, гад. И знает это.

Но потом я взяла себя в руки. Прямо физически: сжала кулаки, выпрямила спину и надела на лицо выражение «строгая учительница, которая сейчас вызовет к доске и поставит двойку».

— Федор, — сказала я ледяным голосом. — Ты можешь тренироваться сколько угодно, но постарайся делать это тише. У нас, знаешь ли, не стадион, а частный сектор. Есть люди, которые спят.

— Ты уже не спишь, — он прищурился и огляделся вокруг, — соседи вроде тоже.

— Но могла бы спать, если бы не эти... — я махнула рукой в сторону его ворот, шайб, пластикового льда, его голого торса, его плеч — варварские звуки.

Федор посмотрел на меня. Внимательно. Так, будто читал по лицу.

— Тебе не нравятся звуки? — спросил он.

— Нет.

— А сама стояла и смотрела три минуты.

У меня внутри все оборвалось.

— Я... — голос сел. — Я стояла и ждала, когда ты перестанешь бросать и грохотать, чтобы сделать замечание.

— Три минуты ждала?

— Я давала тебе шанс остановиться самостоятельно.

Федор кивнул, будто поверил, но глаза смеялись.

— Ладно, — сказал он. — Буду тише. Извини, что разбудил.

— Спасибо, — я развернулась и пошла в дом.

Шла медленно, чувствуя на спине его взгляд. Знала, что он смотрит, но не оборачивалась.

Зашла на веранду, закрыла дверь, прижалась к ней спиной и выдохнула.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Анна, — сказала я себе одними губами. — Ты учитель. У тебя есть указка, доска, двадцать пять оболтусов в классе, Достоевский и гордость. А у него — клюшка, шайбы и мышцы. Между вами нет ничего общего. И не будет.

Я повторила это три раза. Четвертый не понадобился, потому что в дверь постучали. Я вздрогнула и открыла.

На пороге стоял Федор. Теперь в футболке (жаль, успел надеть) и с шайбой в руке.

— Держи, — он протянул ее мне. — На память.

— Зачем мне шайба?

— Чтобы кидаться в меня, если я снова разбужу. Или если скажу, что ты на меня смотрела.

Я взяла шайбу, она была холодной, гладкой, тяжелой — неожиданно тяжелой для такого маленького предмета.

— Да не смотрела я, — соврала, не моргнув глазом.

— Конечно, — он кивнул. — Завтрак через полчаса. Маргарита Тихоновна блины печет и велела позвать.

И ушел. Я осталась на пороге с шайбой в руке. Смотрела на нее. Потом на его удаляющуюся фигуру.

— Как же меня угораздило, — прошептала я и поклялась себе, что больше никогда не буду смотреть в его сторону.

Глава 4

Нюша

Завтрак у Маргариты Тихоновны начался мирно. Блины, сметана, варенье. Бабушки улы-
бались, Федор молчал, я делала вид, что меня здесь нет.

— Нюшенька, передай Феде варенье, — сказала моя бабушка, протянув мне пиалу с
малиновым вареньем.

Я передала. Молча. Не глядя.

— Федя, поблагодари Нюшу, — добавила Маргарита Тихоновна, с улыбкой глядя на
внука.

— Спасибо, — буркнул он и погрузил в варенье сложенный трубочкой блин.

— Пожалуйста, — буркнула я и отвернулась, уставившись в окно.

Бабушки переглянулись. Довольные. А потом всё пошло под откос.

— Какие вы красивые, — мечтательно сказала Маргарита. — Сидите рядом — ну выли-
тая пара.

— Свадебку бы осенью сыграть, — подхватила моя бабушка. — Урожай как раз соберем,
такой праздник закатим.

— Бабуль, мы не будем играть свадьбу, — я положила вилку и выдохнула, — и давайте,
наконец, закроем эту тему.

— Сейчас не будете, — согласилась она и сделала большой глоток чая. — А осенью
будете.

— Я вообще никогда не буду! — вспыхнула я. — Я устала уже тебе это повторять!

— Нюша, не говори глупостей, — бабушка отмахнулась. — В твоём возрасте уже пора.

— В моем возрасте? Мне двадцать три! — взвизгнула я и сжала кулаки.

— Вот именно. Самое время, — бабушка была непробиваема.

Федор сидел молча и как ни в чем не бывало жевал блин, не обращая никакого внимания
на нашу перепалку.

— А ты что молчишь? — набросилась я на него. — Скажи своей бабушке, что не соби-
раешься на мне жениться.

Федор поднял глаза.

— Я не собираюсь на тебе жениться, — выделяя каждое слово произнес он, равнодушно
глядя на меня.

— Слышите? — я победно посмотрела на бабушек.

— Мало ли что он говорит, — отрезала Маргарита Тихоновна. — Мужчины часто гово-
рят не то, что думают.

— Я думаю именно то, что говорю, — Федор отодвинул тарелку. — Я не хочу жениться.
Тем более на ней.

— Что значит «тем более на мне»? — я вскипела.

— А то и значит. Ты — училка, которая все время командует и думает, что умнее всех.

— А ты — спортсмен, который кроме шайбы ничего в жизни не видел!

— Нюша! — ахнула бабушка и прижала ладони к груди.

— Что? Это правда! Он даже нормальную книжку прочитать не может! — хмыкнула я.

— Могу! — Федор начал заводиться.

— Какую? Назови! — я ехидно улыбнулась и подперла кулаком подбородок.

— Ну... — он замялся. — Эту... про собаку.

— Про собаку? — я не выдержала и фыркнула. — Ты про Чехова? «Каштанку»?

— Ага. Вот ее. Прочитал. В школе, — он с важным видом поднял вверх указательный палец.

— В школе ты на хоккей бегал, а не Каштанку читал! — тут же огрызнулась я.

— А ты на физре что делала? Стояла и книжки читала? — его губы искривились в презрительной ухмылке.

— Я сдавала нормативы! — я пыхла, как старый самовар.

— На тройку?

— Это не важно, — я покраснела, вспомнив, как все смеялись надо мной, когда я никак не могла перепрыгнуть через этого чертового козла.

— Ага, конечно. Училка, а отжаться не может, — с довольным видом констатировал он и взял из тарелки очередной блин.

— Федор! — рявкнула Маргарита Тихоновна. — Прекрати!

— Пусть признает, — он с удовольствием откусил блин.

— Я ничего тебе признавать не собираюсь! — я вскочила. — Ты — невоспитанный, наглый качок, у которого вместо мозгов мышцы!

— А ты — зануда с прической как у пенсионерки!

— Федя! — хором закричали бабушки.

Но мы с ним уже смотрели друг на друга, как два врага.

— Дети, — моя бабушка поднялась. — Прекратите немедленно, вы же взрослые люди.

— Вот именно, — буркнул Федор. — Взрослые. Не надо нас женить.

— Тем более, друг на друге, — добавила я.

Бабушки переглянулись, странно так, как будто мы только что подтвердили их теорию.

— Они спорят, — шепнула Маргарита и подмигнула моей ба.

— Как настоящая семейная пара, — кивнула моя.

— Мы не пара! — хором сказали мы и замолчали.

Бабушки улыбнулись еще шире.

— Ладно, — сказала моя. — Давайте пить чай спокойно.

Мы сели и дальше молча пили чай и жевали блины, больше не глядя друг на друга.

Я ненавидела этого человека. Всей душой.

После завтрака бабушки начали собирать посуду, а я выскочила на крыльцо, чтобы вдохнуть свежий воздух, успокоиться, и чтобы не убить никого.

Дверь скрипнула за спиной. Я обернулась. Федор стоял на крыльце, засунув руки в карманы джинсов.

— Чего тебе? — спросила я.

— Выдохнуть, — тихо ответил он и оперся плечом о косяк.

— Выдыхай в другом месте, — я сложила руки на груди и отвернулась.

Он не ушел, а наоборот встал рядом. Немного помолчал и снова тяжело вздохнул.

— Слушай, Нюша, — начал он тихо, чтобы бабушки не слышали. — У меня есть идея.

— Какая? — я повернула голову и заинтересованно на него посмотрела.

— Они не отстанут, если мы будем просто ругаться. Больше скажу, им это, кажется, нравится.

Я покосилась на него. Он был прав, бабушки смотрели на наши ссоры с каким-то извращенным удовольствием.

— И что ты предлагаешь?

— Давай дадим им то, чего они хотят? — он широко улыбнулся, демонстрируя мне идеальную улыбку. А я-то думала, что у всех хоккеистов зубы выбиты.

— С ума сошел? Я не собираюсь с тобой... — я сходу начала протестовать.

— погоди, — он поднял руку. — Ты не поняла. Мы сделаем вид, что пытаемся строить отношения. А на самом деле будем вести себя так, чтобы они сами поняли: мы не пара.

— В каком смысле? — я вообще не понимала его логику.

— В прямом. Ты будешь выбешивать мою бабушку. Я — твою. Проявим себя с самой худшей стороны, как только можем. И они передумают.

Я замерла, задумавшись над его словами.

— Ты предлагаешь нам... разочаровать бабушек? — мои брови поползли вверх.

— Именно, — он легонько щелкнул меня по носу. — Ты покажешь Маргарите Тихоновне, какая ты невыносимая зануда. А я твоей бабушке — какой я бестолковый спортсмен без мозгов, и они сами скажут: «Нет, это не наш вариант».

Я прищурилась.

— И ты готов притворяться дураком?

— Ради своей свободы я готов и не на такое, поверь, — он почесал затылок и взъерошил пятерней свои волосы, а я задумалась.

— А я что должна делать?

— Ну не знаю. Читать стихи за столом, делать замечания по каждому поводу, спорить о Достоевском. Моя бабушка это ненавидит.

Я на секунду задумалась. А что? Не так уж и сложно будет мне играть в эту игру. Буду чуть более занудной, чем есть на самом деле.

— Ну ладно, — задумавшись проговорила я и закусил губу, с твой ба все понятно. А теперь о моей: — Она ненавидит, когда кто-то не помогает по хозяйству. Ты будешь сидеть на диване и ноль внимания на помощь нашим старушкам. Она взбесится.

Он на секунду задумался, глядя в одну точку.

— И ты думаешь, это сработает? — тихо спросила я.

— А у тебя есть другой план? — он пристально посмотрел на меня.

Я открыла рот. Подумала и снова закрыла. Другого плана не было.

— Идет, — сказала я. — Заключим сделку. Ты разочаровываешь мою бабушку, я — твою. И они сами откажутся от свадьбы.

— По рукам, — он протянул мне руку, и я ее пожала.

Его ладонь была горячая, шершавая, твердая, и я отдернула быстрее, чем это было нужно.

— Но это только игра, — сказала я строго. — Никаких настоящих чувств.

— Обижаешь, — усмехнулся он. — Ты вообще не в моем вкусе.

— Взаимно, — согласно кивнула я.

Мы посмотрели друг на друга. Враг мой — мой временный союзник.

— Надеюсь, у нас получится, — вздохнула я.

— Конечно получится! Это ты еще не видела, как я буду притворяться, — усмехнулся Федор.

— А я уже придумала, какие буду читать стихи за ужином.

Он поморщился.

— Ненавижу стихи.

— Вот и отлично. Моя бабушка их обожает, твоя — ненавидит. Есть шанс, что между ними пробежит первая антиискра.

— Значит, план готов?

— План готов.

— Тогда начинаем сегодня за ужином.

— Договорились.

Я развернулась и пошла к себе.

На крыльце остановилась, посмотрела на небо и выдохнула.

Кажется, эта неделя будет долгой.

Глава 5

Федор

Я проснулся за час до будильника. Это было очень странно, обычно я вообще не просыпаюсь сам — меня или будит бабушка, или три будильника, заведенных с интервалом в пять минут. Но сегодня я открыл глаза и сразу понял: не засну.

Потому что во сне была она. Ньюша. Смеялась, без этой своей вечной учительской маски, без скрещенных на груди рук. Просто смеялась, запрокинув голову, и волосы падали на лицо. — Идиот, — сказал я себе в пустоту комнаты. — Ты идиот, Федор.

Мы договорились. Игра. Чистая стратегия. Она бесит мою бабулю, я — ее. Потом расходимся, как в море корабли, свободные, как ветер, и никаких чувств.

Я встал с дивана, натянул шорты, футболку, сунул ноги в кроссовки и вышел на крыльцо, чтобы проветрить голову.

И тут же увидел ее. Ньюша сидела на крыльце своего дома. Каштановые волосы вились на ветру и падали на глаза, а она аккуратно убирала их за ухо своими тонкими пальчиками. Без этого дурацкого учительского пучка, она была невероятно милой.

На ней была старая растянутая футболка, которую, наверное, она носила лет в пятнадцать, старые джинсы, а на ногах галоши с цветочками. Боже, кто в здравом уме носит галоши с цветочками?

Она держала большую белую кружку обеими руками, грела о нее ладони, и лицо у нее было спокойное, почти счастливое.

Я замер на своем крыльце. Стоял и глазел, как она смотрит на небо, как хмурится, когда ветер слишком сильно треплет волосы, как отпивает чай маленькими глотками. Как подставляет лицо солнцу и закрывает глаза на секунду — так, будто хочет напитаться лучами утреннего солнца.

И была она... такой красивой. Не «хорошенькой». Не «симпатичной». Красивой. Такой, от которой у нормального мужика все внутри переворачивается.

Я не знаю, сколько простоял так. Минуту. Пять. Десять. Бабушка вышла бы. увидела бы меня, остолбеневшего с идиотской улыбкой, и точно поняла бы все раньше меня.

Потом Ньюша поставила кружку на перила, потянулась так сладко, по-кошачьи, и что-то сказала сама себе. Я не разобрал слов, только голос — ласковый, теплый. И мне вдруг жутко захотелось узнать, что она сказала.

— Хватит прятаться, — прошептал я себе. — Стоишь, как в засаде, придурок.

Спустился со своего крыльца, прошел через двор, открыл калитку, разделяющую наши участки и подошел к ней.

Ньюша не обернулась, но я видел, как напряглись ее плечи, она будто почувствовала, что я иду.

— Чай пьешь? — спросил я, прислонившись плечом к столбу крыльца.

— Капитан очевидность просто, — ответила она, не глядя на меня. — Хочешь?

— Не отказался бы, — тихо проговорил я, не в силах оторвать от нее глаз.

Она молча встала, вошла в дом и через минуту вернулась с кружкой для меня, наполненной горячим ароматным чаем.

— Садись, — подала мне кружку, присела и кивнула на ступеньку рядом с собой. — Не стой столбом.

Я сел. Слишком близко, плечом к плечу. От нее умопомрачительно пахло чем-то сладким, то ли яблоками, то ли какой-то выпечкой.

— А почему ты не спишь? — спросил я, принимая кружку. — Шесть утра.

— Могла бы спросить тебя о том же, — хмыкнула Нюша и искоса на меня посмотрела.

— Я всегда просыпаюсь рано. Привычка, — пожал плечами и вытянул ноги.

— А я — нет, — она сделала глоток. — Я сегодня почему-то проснулась. И не заснула.

— Понравилось, как я вчера шайбы бросал? — усмехнулся я. — Решила посмотреть продолжение?

— Твоя самооценка тебя когда-нибудь подведет, Федор, — хохотнула Нюша.

— Не дождешься, — я вскинул бровь, — между прочим, перед тобой лучший нападающий высшей хоккейной лиги.

Она улыбнулась краешком губ. Не той дежурной улыбкой училки на родительском собрании, а открыто, так, что появилась ямочка на щеке, которую я раньше не замечал.

У меня в груди что-то сжалось, а сердце с силой ударило в ребра.

— Твоя бабушка тоже спит еще? — спросила она.

— Да. Мы, кажется, единственные, кто не дрыхнет в шесть утра в этой деревне.

— Значит, мы — странные, — констатировала Нюша.

— Или единственные нормальные.

Она повернулась ко мне и оказалась так близко, что я увидел родинку у нее на шее. Маленькую такую, темную. И все внутри у меня сжалось в тугой комок.

— Слушай, Федор, — сказала она негромко. — Твоя бабушка и моя... они не отстанут, да?

— Думаю, нет, — я сделал большой глоток чая, от которого внутри прокатилось тепло.

— И что мы будем делать?

— Будем делаем вид, что пытаемся, — сказал я, хотя внутри что-то протестовало против этих слов. — Ты бесишь мою. Я — твою. И они сами поймут, что мы не пара.

Она кивнула, но взгляд у нее был какой-то задумчивый. Словно она сомневалась в этом плане.

— А если не поймут? — наконец произнесла она с сомнением в голосе.

— Поймут, — я почему-то не был уверен в том, что говорю. — Ты же видишь, какие мы разные.

— Да уж, — она усмехнулась. — Училка и хоккеист.

— Зануда и спортсмен.

— Интеллектуалка и... — она запнулась, подбирая слово.

— Бугай, — закончил за нее я. — Говори уже прямо.

— Бугай, — повторила она, и в голосе не было злости. Только улыбка.

Мы замолчали. Сидели рядом, пили в утренней тишине чай и смотрели, как встает солнце. И это молчание было таким правильным, таким уютным, что создавалось ощущение, что я сейчас там, где должен быть. В правильном месте и с правильным человеком.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я думала, ты будешь хуже.

— Хуже? — переспросил я, не поняв, о чем она говорит.

— Ну... тупее. Грубее. Невоспитаннее.

— Спасибо, — я хмыкнул. — Ты меня радуешь.

— Не радую. Констатирую факт, — она допила чай и поставила кружку. — Но ты все равно не в моем вкусе.

— А кто в твоём? — я поставил чашку рядом с собой и всем корпусом повернулся к ней.

— Книжные герои, — она сказала это с такой серьезностью, что я не понял — шутит или нет. — Онегин, Болконский, мистер Дарси, наконец. Трагичные, сложные, с внутренними терзаниями.

— Я могу терзаться, — обиделся я. — Вон, уже терзаюсь.

— Чем? — звонко рассмеялась Нюша.

— Тем, что сижу в шесть утра на чужом крыльце с училкой, которая читает стихи.

— Я не читаю стихи, — нахмурилась она.

— Читаешь. Я видел у тебя в комнате томик Ахматовой.

— Это для работы. Для души я читаю другое, — смутилась девушка.

— А для души что?

Она промолчала, отвернулась, но не резко, а медленно, будто что-то обдумывая.

— Для души я читаю сама себе, — сказала наконец. — Вслух. Утром. На крыльце.

— И что ты читала сегодня?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что это не для чужих ушей.

Я посмотрел на нее. Солнце уже поднялось выше и теперь освещало ее профиль — точеный нос, пухлые губы, ресницы, которые отбрасывали тень на щеки.

— А я могу стать не чужим? — брякнул я, не подумав.

Она резко повернулась. Глаза огромные, растерянные, удивленные тем, что я спросил, уставились на меня в упор. Удивленные тем, что я вообще это сказал.

— Федор, — выдохнула она. — Мы же договаривались.

— Я помню, — неожиданно охрипшим голосом пробормотал я.

— Игра, — тихо выдохнула она.

— Игра, — кивнул я.

Но в ее глазах промелькнуло что-то, то, что я боялся принять за ответный интерес. Она поднялась, отряхнула джинсы и взяла кружку.

— Идем завтракать, — бросила через плечо, не оборачиваясь. — Бабушки уже проснулись, наверное.

Она зашла в дом, а я остался сидеть. Смотрел, как она уходит, легкая, быстрая, в своих дурацких галошах. Как открывает дверь и исчезает в доме.

И вдруг понял: она не сказала «нет».

На вопрос, может ли он стать не чужим — она не сказала «нет»!

Я засмеялся тихо, сам над собой. Идиот Федор Крутов. Хоккеист, здоровяк, мужик, который шайбу с пятидесяти метров в угол ворота кладет, а от одной улыбки училки в бараний рог гнется.

— Да-а, — проворчал я, — влюбленный волк уже не хищник, — встал и пошел к себе готовиться к завтраку.

Глава 6

Нюша

За завтраком было подозрительно тихо. Бабушки пили чай и переглядывались с таким довольным видом, будто их план уже реализовался. Я чувствовала этот взгляд на себе уже с пятой минуты и понимала: сейчас что-то будет.

— Нюшенька, — начала моя бабушка сладким голосом, от которого у меня всегда включалась система тревоги. — Какие у вас на сегодня планы?

Я открыла рот, чтобы сказать «лежать на диване с книжкой», но не успела.

— Мы идем на рыбалку, — спокойно сказал Федор.

Я поперхнулась чаем. Моя бабушка уронила ложку.

— На рыбалку? — переспросила она, глядя на Федора так, будто он предложил мне отправиться в Антарктиду пешком. — Нюша? Рыбачить?

Она перевела взгляд на меня, в нем было искреннее, почти драматическое изумление.

— Но я вообще-то не... — попыталась я возразить.

— Отличная идея! — громко перебила Маргарита Тихоновна, хлопнув в ладоши. — Природа, свежий воздух, романтика. Федя у нас знатный рыбак.

— Я не хочу на рыбалку, — сказала я, глядя прямо на Федора.

Он посмотрел на меня с выражением лица, которое говорило: «ну ты чего, мы же договаривались».

— А я тоже не очень-то хочу тебя брать, — ответил он так спокойно, будто мы обсуждали погоду. — Но надо же бабушек радовать.

Бабушки переглянулись тем самым взглядом, который я уже выучила наизусть: «Они спорят — значит, любят».

Я поняла, что сопротивляться бесполезно. Как только бабушки включали режим «свадьба к осени», спасало только одно — бегство. Но бежать было некуда. Деревня. Лето. И этот огромный нахал, который уже поднялся из-за стола и отправился собирать удочки.

— Так, собирайтесь быстрее, — скомандовала Маргарита Тихоновна. — Я вам термос с чаем соберу и пирожков дам.

Моя бабушка все еще сидела с открытым ртом.

— Нюша, ты же в жизни червяка в руках не держала, — сказала она с ужасом.

— Вот сегодня подержит, — жизнерадостно крикнул из сеней Федор.

Я захотела его убить. От всей души. Прямо здесь, в доме его бабушки, вилкой для салата. Но вместо этого я взяла себя в руки, допила чай и пошла переодеваться.

Через сорок минут мы уже шли по тропинке. Я впереди, он — сзади с удочками, рюкзаком и ведром для рыбы. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное, будто он нес не десять килограммов снаряжения, а шел на легкую прогулку.

Тропинка петляла между берез, солнце пробивалось сквозь листву, пахло разнотравьем и нагретой землёй. Июнь. Благодать. Идиллия. И я иду на рыбалку с человеком, который полчаса назад решил за меня, как пройдет мой день.

— Ты вообще умеешь рыбачить? — спросила я, чтобы нарушить молчание.

— Профессиональный рыбак, высшая лига, — гордо заявил он.

— Опять высшая лига. У тебя всё высшая лига? — я усмехнулась.

— Хоккей — профессиональная, рыбалка — любительская, — признался он. — Но червяка насадить смогу.

— Червяка? Живого? — я поморщилась. Червяка, на крючок. Фу!

— А ты хотела, чтобы рыба сама на крючок прыгала? — не удержался от колкости Федя.

— Я хотела остаться дома с книжкой, — вздохнула я.

— Не повезло тебе. Со мной теперь твоя судьба на всю неделю, — самодовольно ответил он и поправил рюкзак на плече.

Судьба. Вот еще! Я ускорила шаг. Судьба не должна пахнуть спортивным гелем для душа, судьба не должна быть такой... большой и сильной.

Озеро оказалось маленьким, тихим, заросшим кувшинками по краям, которые только набирали цвет. Вода блестела на солнце, стрекозы звенели, где-то вдалеке кричала кукушка. Настоящая русская литературная глубинка. Чехов бы оценил.

— Красиво, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Федор расстелил плед, поставил рюкзак, вытащил удочки. Я села на мягкий плед, обхватив колени руками, и смотрела на воду. Ветер трепал волосы, и я то и дело убирала их за ухо — нервно, привычно.

— Ты будешь рыбачить или просто сидеть? — спросил он.

— Я буду просто сидеть и морально тебя поддерживать, — буркнула я и достала из рюкзака книжку.

Он забросил удочку, вставил ее в держатель и сел рядом. Ближе, чем нужно. Ближе, чем по правилам. Я почувствовала тепло его плеча через тонкую ткань футболки и замерла.

Не отодвигайся, сказала я себе, не показывай, что он тебя волнует. Играй в спокойствие.

Но кажется, я проиграла. Я вообще не двигалась, боясь дышать.

Какое-то время мы молчали. Я перебирала пальцами страницы в книге и не отрываясь смотрела на воду. Было так хорошо, спокойно. Так спокойно, что я почти расслабилась.

— Знаешь, — сказала я. — Я впервые за долгое время не думаю о школе.

— А о чем ты думаешь? — спросил Федор.

— Ни о чем, — я улыбнулась уголками губ, сама себе удивляясь. — Странное ощущение. Пустота в голове.

— Может, это расслабление называется? — поддел он.

— Может быть. Я забыла, как это, — пожала плечами.

Я ведь действительно это забыла. Последние три года мой мозг работал на износ: планы, конспекты, проверки, родительские собрания, бесконечные «Анна Владимировна, а можно выйти?». И вот сейчас — тишина. Ни одной мысли. Только стрекозы, вода и этот огромный мужчина рядом.

— А ты о чем думаешь? — спросила я вдруг. Мне правда было интересно.

— О том, что ты красивая, когда не злишься, — тихо проговорил он.

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом еще один, потом забило где-то в горле, мешая дышать.

Я медленно повернула голову и посмотрела на него. В его серых глазах не было усмешки, не было игры. Только что-то такое, от чего у меня затряслись руки.

— Федор, — тихо сказала я. — Мы же договаривались.

— Я помню, — прошептал он.

— Это игра, — мой голос сорвался.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты это говоришь?

Он отвернулся к воде. Я видела, как двигались желваки на его скулах, так сильно он сжимал челюсть. Мужчины это умеют — сжимать челюсть, когда не хотят говорить правду.

— Просто сказал, — буркнул он. — Констатация факта. Ты красивая. Я не слепой.

Констатация факта. Я должна была обрадоваться, что он свернул с опасной темы. Должна была выдохнуть и перевести разговор на рыбалку, погоду, чертовы кувшинки.

Я замолчала. Секунду. Пять. Десять. Пятнадцать.

— А если бы не игра? — тихо спросила я.

Черт. Зачем я это сказала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.